УДК 141.201+159.9.019
Корниенко Нина Алексеевна – доктор психологических наук,
профессор,
профессор кафедры технологий обучения психологии и педагогики,
Новосибирский государственный аграрный университет.
E-mail: na.kornienko2012@yandex.ru
ORCID: https://orsid.org/0000-0002-1650-1403
Nina A. Kornienko – Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Professor of the
Chair of Learning Technology in Psychology and Theory of Education, Novosibirsk
State Agrarian University.

Осмысление средового подхода эволюционной онтологии в концепции Йозефа Шмайса: «Культура, образование и воспитание под угрозой»

Йозеф Шмайс, профессор Чехии, доктор философских наук, уже долгое время занимается философской рефлексией науки, техники, природы и культуры, включая вопросы кризиса цивилизации, который считает экзистенциальным конфликтом культуры с природой. Он является автором многих книг по онтологической и экологической тематике, переведенных на многие языки. Й. Шмайс участвовал в международном симпозиуме в Новосибирске «Образование как стабилизирующий факт развития России, проведенного в рамках российского философского конгресса «Наука. Философия. Общество (август 2009), где профессор Й. Шмайс и его супруга Божена Шмайс выступили с докладами. В 2012 г. в г. Новосибирске издательством СОРАН была переведена его монография на русский язык. Я являюсь ее обладателем и хочу остановиться на идеях профессора Й. Шмайса, которые я разделяю и поддерживаю.

Аннотация: Наша книга имеет большое воспитательное значение. Она ориентирует молодежь на познание теории новой коэволюционной парадигмы и практику внедрения этических стандартов, доказывая, что современная напряженная экологическая ситуация требует рефлексии существенных особенностей отношения человека к природе.

Вот почему мы, в след за И. Шмайсом обращаемся к новой философии воспитания и образования для глобализированной культуры. Содержание современного образования должно измениться: от ориентации абиотической и противоприродной необходимо будет перейти к ориентации биотической и проприродной, к пониманию Земли как родного дома всех живых систем, включая человека.

В нашей книге актуализируется взгляд на перспективные вопросы разработки средового подхода в контексте развития профессионализма. В основе изложения материала лежит попытка осмысления роли экологических, социальных, информационных взаимодействий человека с окружающей его средой в эволюционном и культурном становлении как особой формы жизни - системной в строении и развитии и противоречивой в поведенческих проявлениях. Раскрыты перспективные направления в изучении таких взаимодействий в системе развития профессионализма.

Ключевые слова: Эволюционно-онтологический и средовой подходы, средовые взаимодействия человека, окружающие человека составляющие среды: внешняя, природная, культурная, естественная, информационная, искусственная, техническая, материальная, физическая, искусственно культурная, культура, образование и воспитания под угрозой.

О КУЛЬТУРЕ, ОКАЗАВШЕЙСЯ ПОД УГРОЗОЙ

Как и в веке XX, в веке XXIпродолжает усугубляться кризис культуры, сопровождаемый отчуждением человека от природы. Экологическая культура, направленная на сохранение Земли как уникальной экосистемы, должна стать основой современного человека, однако в настоящий момент существующая культура все более утрачивает ответственность и чувства долга перед собственным обществом. Вместе с тем «утраты культуры равносильна утрате бытия [19, с. 316], а значит, особую актуальность приобретают проблемы взаимодействия природы и общества как взаимопроникающих образований.

Сущность глобального экологического кризиса, как и сущность каждого сложного явления, не лежит на поверхности, а может быть выявлена с помощью сложной теоретической интерпретации. Как правильно подчеркнул Й. Шмайс: эту сущность мы не поймем с помощью традиционного субъектно-объектного подхода, то есть с отдельной, стационарной и антропоцентрической точки зрения, но мы можем ее постичь с целостной точки зрения - эволюционно-онтологической. Системный эволюционно-онтологический подход дает возможность показать, откуда и как появляются определенные структуры, как они развиваются, как исчезают - и как они мешают друг другу и соперничают. Этот подход также открывает, какая из двух больших земных оппозиционных систем, собственно говоря, находится под угрозой.

Важно понимать нам то, что из эволюционно-онтологического анализа действительности прежде всего вытекает, что человеческая культура не может быть целью эволюции Вселенной, и что изученная на данный момент Вселенная, то есть примерно 100 миллиардов галактик - и в каждой из них опять-таки примерно по 100 миллиардов звезд (Barrow), - существует вовсе не ради нас, людей с планеты Земля. С помощью этого онтологического подхода мы можем выявить скрытое онтическое творческое начало природы и несколько более очевидную, но частную, эпизодическую - и оппозиционную онтическую «творческость» культуры. Тем самым, мы откроем то, что столкновение этих противоречивых онтотворческих процессов, то есть экзистенциальный конфликт сегодняшней культуры с Землей, является самой глубокой сутью глобального экологического кризиса.

Глобальный экологический кризис, как верно подчеркивает Й. Шмайс, не возникает, как простое следствие противоречия между человеком и природой или как следствие нравственной ошибки человека. Между природой и человеком, который сам является продуктом и частью природы, нет никакого серьезного противоречия, и человек с нравственной точки зрения не солгал.

Человеческая мораль с самого начала была примерно такой, какой была культурная адаптивная стратегия человека как вида: видово-эгоистичной, территориально ограниченной, близорукой - она защищала интересы индивида, племени, региональной культуры. Таким образом, естественная онтическая творческая деятельность биосферы создавала все высшие формы жизни так же «неадекватно», то есть таким образом, чтобы они без влияния негативных обратных связей своего окружения, используя свою репродуктивную стратегию, постепенно занимали все экосистемы, весь мир. А поскольку человеку благодаря культуре это почти удалось (его агрессивная адаптивная стратегия была эволюционно успешной), постольку сегодня то, что наиболее зарекомендовало себя в региональных культурах, парадоксально угрожает мировой культуре.

Как видно, понимание противоприродной стороны культуры осложняет тот факт, что в философии и в обычном сознании культура понимается не отнически, то есть не эволюционно, системно и предметно. Вышеописанное представление о культуре пока не стало ни онтологической, ни экологической категорией. Существующее нечеткое понятие, используемое как в общественных науках, так и в повседневной жизни, только в исключительных случаях означает то, что, в отличие от природы, является результатом или итогом человеческой деятельности. Очень часто бывает наоборот - оно понимается узко и односторонне, только как культура духовная, то есть как знание, искусство, ценности, воспитание и человеческое поведение, а иногда даже всего лишь как художественная забава. Хотя такое чрезмерно узкое понимание культуры как культивации духовной жизни человека и общества в целом ряде взаимосвязей является правомерным и также соответствует первоначальному античному значению глагола «colo, culere», который первоначально означал обрабатывать, возделывать, улучшать, все же для понимания онтологической сущности культуры оно не подходит.

Духовную культуру считает Й. Шмайс, и мы разделяем его точку зрения, даже примерно нельзя отождествлять с культурой вообще, но также ее нельзя

воспринимать как самостоятельную, существующую отдельно, то есть вне зависимости от всей культуры. Хотя духовная культура является релятивной противоположностью культуры материальной, она все же функционально соединена с системой культуры до такой степени, что составляет не только ее эволюционный продукт и коррелят, но также и вездесущий информационный каркас (поддержку, опору) культуры. Мы можем использовать общеупотребительное понятие из биологических наук - она, собственно, является своеобразной наследственной информацией культуры, «рассеянным геномом» ее системы.

Но такое - более правильное с точки зрения смысла - понимание культуры как всего того, что создают следующие друг за другом поколения людей, сегодня становится невполне точным и осложняется тем, что культура возникает в ущерб природе, что она углубляет глобальный экологический кризис. Но ведь многие люди не способны понять, почему культура является своеобразной и относительно самостоятельной, то есть независимой от их знаний, целей, усилий, причем в такой степени, что она против их волн отдаляет их от природы и опустошает уникальную планету Земля.

Выделены автором Й. Шмайсом недоразумения. Первое, относительно более простое, связано с общей логикой исторического развития понятий. Наши понятия никогда не являются точными копиями предметов и явлений, их содержание недостаточно, ограниченно и непостоянно. В них, как правило, содержатся знания (и заблуждения) не только прошлых времен - отчасти преодоленные, но одновременно сведения и знания актуальные, еще непроверенные и неполные, которые только становятся общим духовным достоянием человечества. И это в полном объеме касается и понятия культуры. В современной экологической ситуации это понятие должно быть определено по-новому,безсентиментальностиииизлишнего антропологического акцента.

Второе недоразумение - предметное (вещественное), содержательное, и поэтому более глубокое и сложное для понимания. Вопреки усилиям многих

уважаемых людей, многочисленных всемирных и региональных движений, специализированных институтов и организаций продолжается уничтожение природы.Созданное традицией противопоставление человека и природы ложно, и настоящее онтическое противопоставление мы обнаруживаем только на уровне отношений культуры и природы.Способность культуры отдавать предпочтение человеческим интересам, характерная уже для первоначальной культуры охотников и собирателей, стала создавать проблемы только сейчас, в период развитого теоретического познания природы и зрелой всепланетарной техносферы. Культуру нельзя объединить с естественными экосистемами, и она сегодня, собственно говоря, находится под угрозой. Почему? Давайте рассмотрим.

Во-первых, культура не есть явление естественное, но артифициальное, искусственное. Долгое время казалось, что культура природу только дополняет и улучшает. Однако сегодня мы видим, что культура может развиваться только в ущерб природе, что она ей вредит и необратимо ее уничтожает. Ведь естественную земную среду, эволюция которой намеренно не отдает предпочтения той или иной форме жизни в ущерб остальным формам, эволюция человеческой культуры - когда-то инициированная, чтобы служить человеку - за короткое время изменила так, что сегодня она не подходит практически ни одному высшему биологическому виду.

Во-вторых,признаем, что не только биологические культурные предиспозиции человека, но и традиционные духовные формы, ценности и регуляторы культуры - религия, философия, наука, этика, искусство, право и политика - соответствовали совершенно другому географическому масштабу культуры: малочисленным региональным культурам, рассредоточенным в неослабленной биосфере. Признаем, что в период, когда существование региональных культур гарантировала природа, философии не требовалось серьезно исследовать онтологическую сущность культуры, ей не требовалось теоретически определять противоприродный размер культуры. Поэтому и интуитивно ощущаемое противопоставление природы и культуры, которое

впервые было более четко сформулировано в эпоху Просвещения, не было понято предметно,системно, а только морально, ценностно, аксиологически. Культура была неверно отождествлена со структурой более высокой ценностно и антропологически более важной, чем природа. Согласно терминологии Канта, мы можем сказать, что земная природа была понята только как мир явлений, закономерностей и каузальности, тогда как культура - как качественно более высокий мир ноуменов, свободы и нравственного поведения человека.

Известно, что важные комплементарные понятия человек и природа (микрокосмос и макрокосмос), часто используемые еще в период Ренессанса, в конце этой эпохи выходят из употребления и заменяются инструментальными понятиями: субъект и объект. Кажется, что человек-субъект уже не принадлежит природе, что к природе-объекту он имеет отношение через свою свободную творческую деятельность - познавательную, волевую и предметно-практическую. В идеалистической линии философских рассуждений, которая имела смысл для теоретического постижения этой деятельности, факт человеческого преобразования природы с помощью мышления и работы был интерпретирован узко антропоцентрически. Фихте понимал природу как отчужденный продукт деятельности человека, Гегель - только как инобытие идеи или как место рождения и место деятельности духа. За природой, низведенной до уровня предметов, не признавались собственное своеобразие, порядок, способность к творчеству, способность к эволюции. И в материалистической линии философских рассуждений понятие природы лишалось качественного определения, постепенно обесценивалось и, наконец, растворилось в абстрактном понятии материи, выражающем единственное качество природы - объективное существование.В середине XIX века было известно, что не только в обществе, но и в природе существуют изменения, связанные с эволюцией, вероятно, по незнанию их причин и из-за их относительно медленного протекания с природой не связывали - за редким исключением (А. Бергсон) - упорядоченность и активность и, как бы мы

сказали сегодня, спонтанное онтическое творчество. Еще и сегодня, практически два столетия после Дарвина, игнорируется тот факт, что природа сама создала свои структуры - все неживое и живое, включая биологического предка сегодняшних людей. Короче говоря, человек уже в античности был мерой всех вещей, и способность творить новое после падения теологии признавалась только за ним. Он был единственным носителем креативности, ценности и смысла на Земле.

Сегодня мы способны понять эту историческую иллюзию тех времен. Развитие, если оно вообще признавалось философией, было интерпретировано абстрактно и спекулятивно. Его источником, в классической немецкой философии, а позднее и в марксистской философии, считались противоречия и их преодоление. Так как акцент делался только на вертикальное восхождение, каждая более высокая ступень развития понималась не только как более совершенная, но также и как более автономная по сравнению с предыдущей ступенью. Казалось, что чем выше ступень развития материи, тем более она детерминируется только сама собой. И это соответствовало оптимистической иллюзии того времени, что человек посредством своей культуры становится главным фактором своей эволюции (Р. Гароди). Сегодня этот крылатый тезис перифразирован следующим образом: человек посредством своей культуры может стать фактором своего собственного уничтожения. В противоречии с действительностью, вся философская традиция от Аристотеля до Гегеля - если мы используем достойное внимания наблюдение Николая Гартмана - допускала ошибку в том, что извращала закон силы: более сильным она ошибочно считала то, что было более высоким [3, с. 71].

В соответствии с утверждением Гартмана, которое полностью отвечает сегодняшним знаниям общей теории систем, мы, к сожалению, должны констатировать, что сегодняшняя глобализированная культура (техническая цивилизация) уничтожает живую природу и вредит ей совсем не потому, что она организационно более сложная. Напротив, она ликвидирует ее потому, что

она относительно более простая, и потому, что она строит из материала естественных структур, возникших в ходе эволюции, свои временно более сильные искусственные структуры. Культура не является конкурентом природы, но ее уничтожающей структурной перестройкой, ее онтически оппозиционной подсистемой. Культурная система - это система не только иначе и менее организованная, но также потребляющая больше энергии и направленная видовым эгоизмом человека (духовной парадигмой) против биосферы.

Конечно, это все более сложно, и, агрессивность сегодняшних технических цивилизаций по отношению к живой природе вытекает также и из того, что они постоянно растут, что пока они отодвигают необходимость достижения организационной зрелости (климакса). Они обнаружили способ, как избавиться от прямой зависимости от ограниченной энергии экосистемы: они завладели невозобновляемыми запасами энергии ископаемого топлива и пытаются использовать другие земные энергетические «консервы» - пока, главным образом, атомную энергию. И этот обманчиво правомочный способ заботы о постоянном экономическом росте, который пока имеет полную политическую поддержку, наверно, больше всего способствует тому, что культура сегодня угрожает сама себе в плане существования. Сегодня уже не недостаток, а напротив - излишек дополнительной энергии более всего препятствует тому, чтобы предметные и технические формы культуры развитых стран начали приближаться к организационному и функционалы ному совершенству природы. Ведь тайна совершенства биосферы - если мы оставим в стороне фактор времени - заключается в большей мере именно и том, что она должна была развиваться в строго ограниченных энергетических рамках. У естественной эволюции для ее самых смелых конструкции живых систем (современных слонов, носорогов, медведей, китов и т. п.) в распоряжении была только константная потребляемая мощность естественно и энергии экосистемы: солнечный свет, улавливаемый зелеными растениями [Там же, с. 79-80].

Правильно, для большинства из нас приятнее разделять традиционные иллюзии о прогрессе и улучшении природы человеком. Человеческий способ понятийного познания природы, естественно, является самым высшим уровнем ее рефлексии посредством нервной системы живых существ вообще. Человек благодаря этой культурно развитой способности стоит выше других подобных ему животных, а благодаря языковому кодированию чувственно-нейронной (социокультурной) информации становится единственным по отношению к природе оппозиционно онтически творческим видом. Но это не означает, что человеческая понятийная рефлексия действительности является более адекватной, чем способы познания других живых систем, и что мы благодаря этой рефлексии стоим выше над природой и всеми живыми созданиями. Хотя сегодня мы технологически контролируем все большее количество природных процессов и сил, мы не способны постоянно влиять на собственную естественность, функционально усовершенствовать ни одну из живых систем. Сам разворачивающийся экологический кризис быстро сокращает жизнь иллюзии о превосходстве человека и культуры над природой [Там же].Я думаю, возразить Й. Шмайсу нельзя.

Ценностный приоритет культуры по отношению к природе, конечно, не был единственным негативным следствием недостаточной философской саморефлексии человека. Намного принципиальнее было то, что благодаря этому человек в качестве предполагаемого смысла и вершины природного развития из природы исключался. Человек утратил чувство уважения и смирения перед тайными вселенскими силами, которые сделали возможным его существование и превышают способности его понимания. Он утратил сознание сопричастности и потребности в сотрудничестве с окружающей биотической системой [4, с. 61].

Человек Нового времени защищал право познавать природу, но уже совсем не для того, чтобы ее понимать и знать, почему он принадлежит к ее системе и не для того, чтобы любоваться красотой и тайной природы, но для того, чтобы иметь над ней власть, чтобы иметь возможность манипулировать

природными процессами и структурами. Он смог некоторые природные процессы контролировать и управлять ими так, как ему эго всегда предлагала магия.

Вся история человечества в этом теоретическом и ценностном контексте, влияние которого отнюдь не прекратилось, казалась широкомасштабной гуманизацией природы, освобождением человека от зависимости от внешних природных сил и цепей питания биосферы. Но это, как оказывается, поверхностный взгляд, некомпетентный по сути. Когда мы обретаем эту желанную власть, сопровождаемую развитием техники и высоким уровнем потребления, мы все равно не можем ее свободно использовать и наслаждаться ею – наоборот,мы должны опасаться своей собственной власти над природой.

Так как сегодняшняя планетарная культура возникала и росла постепенно, проходя через процесс исторического развития, то ее можно понять именно с точки зрения эволюции. Эпохальное значение этой точки зрения, наверно, лучше всего осознал один из ее выдающихся протагонистов Тейяр де Шарден: «для многих людей эволюция - это все еще только трансформизм, а трансформизм - просто старая гипотеза Дарвина, такая же частная и ветхая, как концепция Солнечной системы Лапласа или движение материков Вегенера. Действительно страдает слепотой тот, кто не видит широты движения, путь которого уже далеко превзошел границы естествознания, постепенно затронул и наполнил химию, физику, социологию и даже математику и историю религии... Эволюция - это не теория, система и даже не гипотеза, а нечто значительно большее - с нынешнего момента это общее условие, которому должны подчиняться и которому должны соответствовать все теории, гипотезы и системы, если они хотят быть мыслимыми и правильными»[5, с. 347].

В эволюционно-онтологическом подходе Й. Шмайса используется самое широкое, насколько это возможно, понятие эволюции, поэтому не будем отдельно характеризовать ни эволюцию естественную (абиотическую и биотическую), ни эволюцию культурную. Остановимся только на том, что

эволюция как необратимый противоэнтропийный процесс создает, сохраняет, уничтожает и трансформирует элементы, подсистемы и большие глобальные и космические структуры так, чтобы получившаяся в результате этого система все более экономно (целесообразно) использовала свой источник эволюции, Вселенная -энергию, первоначально сконцентрированную в сингулярности, биосфера - энергию солнечного света, культура - энергию, затраченную и высвобождаемую человеком [20, с. 86-87].

На нашей планете существуют только два принципиальных способа. С одной стороны, это первоначальный и более старый естественный способ, то есть универсальная творческая способность неживой и живой природы. А с другой стороны, относительно более молодой и временный способ искусственный, то есть парциальная (частичная) и противоприродная способность к творчеству у культуры.Наряду с признанием двух качественно различающихся способов конституирования земных структур, то есть двух разных эволюционных процессов, мы признаем и две различающиеся формы упорядочивания земной действительности (два онтических порядка) и два отличающихся вида конститутивной информации - информацию естественную и информацию культурную. Мы одновременно признаем потенциальную несочетаемостъ по-разному конституированных структур, тем самым мы признаем особый онтологический статус природы и особый онтологический статус культуры.

Культурная система - это искусственная подсистема, растущая внутри естественно упорядоченной биосферы. Чтобы защититься от давления окружающих экосистем, чтобы с ними не слиться, она с самого начала должна иметь не только свою отличающуюся конститутивную информацию - духовную культуру, но и свое отличающееся энергетическое питание - генерированную человеком деятельность. Для биосферы культура является как бы эволюционным соперником, паразитической диссипативной структурой, которая своими конструкциями занимает естественно упорядоченное географическое пространство: она получает материю и

энергию от более ранних естественных структур, разрушает естественные структуры и причиняет вред основным природным стихиям. А уже простая духовная культура, как невидимая магическая сила, интегрирует культурное сообщество, мотивирует его членов для особой небиологической деятельности и творчества. Поэтому духовная культура - это рассредоточенная конститутивная информация культурной системы, что - так же как геном живой системы - она делает возможной ее существование, функционирование и эволюцию [20, с. 88-89].

А так как культура не является новым организационным уровнем естественной эволюции биосферы, мы не можем объяснить ее только с помощью естественнонаучных методов. Новые культурные структуры на высокоупорядоченной Земле (то есть в рамках естественных экосистем) могут возникать только ценой причинения ущерба и локальной деструкции упорядоченности естественной (абиотической и биотической). И это уже не является только теоретической проблемой, проблемой адекватного постижения отличающихся эволюционных механизмов культурной эволюции. Причинение культурой необратимого ущерба живой и неживой природе, при котором уничтожается невосполнимая естественная информация (условие сохранения современного уровня разнообразия биосферы), является серьезной проблемой - онтической и онтологической. Но это является до сих пор и серьезнейшей проблемой моральной и политической, то есть вопросом политической ответственности и вины. Давайте ответим на вопрос: А кто, собственно говоря, отвечает за добытое сырье, оскудевшую окружающую среду, уничтоженные экосистемы, исчезнувшие виды, потерянную генетическую информацию и нарушенное равновесие земного биотического сообщества как целого?[Там же, с. 90].

Мы так настойчиво напоминаем здесь о нравственном и аксиологическом фоне экологической проблемы потому, что не только в философии, но и в других секторах духовной культуры все еще предполагается, что человек, будучи вершиной и смыслом природного развития или существом, созданным

прямо Богом, не только правильно познает природу, но и своей направленной деятельностью оказывает также правильное влияние на нее, дополняет и улучшает ее.

Пока только эволюционная онтология может подтвердить, Й. Шмайс аргументирует так: глобальный экологический кризис - это серьезный экзистенциальный конфликт искусственной паразитической подсистемы с ее естественной (глобальной и более древней) гостеприимной системой [20, с. 89].

И она может одновременно показать, что права человека - единственного творца искусственной подсистемы культуры - это только частный момент общих прав творческой силы жизни и что они заканчиваются точно в той точке, за которой их реализация означала бы риск уничтожения целого вида растений или животных (К. Леви-Стросс). Тем самым, преодоление природного сопротивления с помощью работы, техники, научно-технических усилий до сегодняшнего дня относится к высоко оцениваемым видам деятельности культуры. Изобретения, открытия и вообще все крупные интеллектуальные достижения человека, особенно научная истина - все это пока считается высшими ценностями. Мы уже частично признаем, что нередуцированная биосфера - это единственно возможные рамки долговременного культурного развития, ее недальновидное преобразование для человека до сих пор является главным требованием повседневной жизни, является постулатом, который преобладает в воспитании молодежи и в принятии практических экономических и политических решений.

Иногда достаточно посмотреть телевизор, чтобы понять, какие ценности распространены в сегодняшней потребительской технической цивилизации. Несмотря на то, что уже появляются качественные и увлекательные передачи с естественнонаучной и экологической проблематикой, все еще не хватает образовательных передач из области наук о культуре. Ни основные информационные службы, ни публицистика еще не оставили наезженную антропоцентрическую колею. Они смотрят на природу как на собственность

человека: как на площадку социально-политической жизни, область интересов большой и малой политики, как на источник продуктов, сырья и ресурсов. Тем самым они как бы преднамеренно скрывают тот факт, что земная природа - это глобальная живая система, включающая в себя, защищающая и окончательно формирующая человека и культуру, что она является исключительным богатством структур, форм, вдохновения и красоты, что она редчайшая система в наблюдаемой Вселенной вообще [Там же, с. 90].

Но не только традиционная политика и политическая журналистика укрепляют и воспроизводят высокомерную позицию людей по отношению к природе. Противоприродная структура поселений человека, особенно некоторых крупных городов, где недостаток деревьев, кустов и зеленого покрова как бы компенсируется бетоном и асфальтом, по сей день также хорошо демонстрирует предопределенность культуры первоначальным «общим врагом» всех людей - естественными экосистемами, девственной природой. Если бы мы сегодняшний обычный тип «городской экосистемы» распространили шире по всей поверхности планеты, более сложные формы жизни вместе с нами быстро бы вымерли.

Видимо эволюция живых систем все-таки не смогла исчерпать все возможности упорядочивания материи в земных условиях, но с помощью динамического равновесия жизни с абиотической средой, всеобщего функционального и информационного единства всего живого и неживого создала и определяющие рамки развития человеческой культуры. И возможно именно поэтому здесь существует определенный глобальный предохранитель, имеющий значение для сохранения естественной упорядоченности биосферы. Культура - это чужеродная оппозиционная система внутри биосферы, она растет только из одной ее эволюционной линии, с самого начала обременяет естественные экосистемы и вредит им. Но самое существенное скрыто[Там же, с. 91-92].

А вот, здоровая неослабленная биосфера не может ни воспрепятствовать культурной эволюции, ни избавиться от нее. Только от определенной

пороговой величины социокультурной нагрузки, кажется, начинается поворот. Сильно ослабленная и дезинтегрированная биосфера уже не является благоприятной средой для самых развитых, и соответственно, более хрупких форм жизни. И так как искусственная культурная система, создаваемая человеком, растет и убываетс его биологическим процветанием, ухудшающееся человеческое здоровье может быть парадоксально надежной негативной обратной связью соразмерности культуры природе. Чем раньше мы это поймем и отнесемся к этой директивной обратной связи серьезно, тем скорее нам, возможно, удастся спасти не только региональные культуры, находящиеся под угрозой, но и редкий, естественный диверситет биосферы. А это разнообразие, является условием процветания многообразной мировой культуры как целого.

Поэтому на сегодняшнем цивилизованном распутье существует, наверное, только одна дорога перспективного культурного развития:культурные перемены, заботливо охраняющие биоразнообразие Земли, достойное отступление с фронта насильственной конфронтации культуры и природы[6].Так Й. Шмайс сформулировал оптимальную культурную стратегию: эта Земная природа как система, которая является частью космоса и которая конституировалась в течение нескольких миллиардов лет,приспособить к человеческой культуре, то есть к структурам, производным от природного порядка, менее своеобразным, чем природные, и временным, в принципе невозможно.Это означает развитие, закрепленное в более зрелой духовной культуре, в экологически ответственных философии и науки, в экологической политике и природных ценностях.

Давайте вспомним о том, что тайна человеческого культурного подъема, образно говоря, заключалась когда-то в том, что человек как вид в относительно короткий период изменил тип своей адаптации. По-видимому, под внешним давлением экосистем он сумел от стратегии приспособления (с помощью изменений своей внутренней биологической структуры, которые являются медленными и ограниченными) перейти кофензивной (агрессивно-

наступательной) адаптивной стратегии, к преднамеренному и быстрому приспособлению своего окружения. В течение относительно короткого периода он занял весь мир и создал планетарную, мало приспособленную к природе культуру. Но уже один этот факт, помимо прочего, означает, что стратегия, успешная в региональном масштабе, может не соответствовать масштабу планеты. И действительно, глобализированная культура посредством поврежденной и истощенной природы экзистенциально угрожает сама себе. Но стратегия - это только средство, ни в коем случае не цель. На основании изучения живых и социальных систем мы знаем, что и очень разные стратегии могут быть эквифинальными (могут вести к одинаковой цели). А стратегию, сегодня меняет и биосфера: она защищается уже прежде всего не силой, а слабостью. Поэтому и мы, люди, если не хотим вместе с остальными высшими животными исчезнуть, должны снова сменить тип адаптивной стратегии. Обстоятельства вынуждают нас изменить то, что, наверно, человеческими усилиями изменить можно, потому что это является «делом рук» не только природы: духовный фундамент культуры, некритически произведенный от человеческого генома тип агрессивной адаптивной стратегии культуры.

Нельзя не согласиться с Й. Шмайсом, а лишь поддержать его в том, что никакого «возврата назад», никакого «возврата в лоно природы», из которою, наверно, не просто было когда-то вырваться. Вся культура как искусственная глобальная система, которая природу до сих пор приспосабливала по большей части наступательным образом, которая подавляла, ограничивала и упрощала ее так, чтобы снова и снова соответствовала требованиям экспансивной противоприродной структуры культуры, будет вынуждена в короткий период времени перейти к противоположной стратегии: к приспособлению к природе с помощью внутренних организационных перемен - развитию без экспансии, с максимальным приближением к динамическому равновесию с живой и неживой средой Земли. Свою незаменимую гостеприимно принявшую ее среду она может спасти только радикальной экологизацией своих духовной и

материальной составных частей. И к этому усилию, которое может стать новой трансценденцией и большой возможностью самореализации сегодняшнего человечества, должны подключиться философия, этика и политика.

Именно эволюционная онтология культуры может отчетливо сказать то, в чем ни одна другая теоретическая дисциплина некомпетентна: так как противоприродно ориентированная мировая культура уничтожает природу - сложно организованную материнскую систему, от которой зависит и которую никогда не будет способна воссоздать - она находится под экзистенциальной угрозой [20, с. 93-94].

О человеке, культуре, природе

Обесценивание, низведение природы в период Нового времени до объекта и предметной материальной действительности было тесно связано с возвышением человека до субъекта, а культуры - до культуры духовной. Человек, который является единственным живым существом, способным на интеллектуальную саморефлексию, онтическое творчество, восхищение, веру, любовь и покорность и который, по словам М. Шелера обладает личным участием в божественности», сегодня неожиданно оказался в ситуации, когда в реализации своих намерений (с помощью искусственной культурной креативности) он нанес – и продолжает наносить –непоправимый ущерб планете Земля. Мы уже отметили выше, что причиной этой ненамеренной деструкции является спонтанное и целенаправленное создание искусственных культурных структур, которые возникают не только в противоречии с естественной земной упорядоченностью, но и за ее счет.

Поэтому противоприродную культурную стратегию, успешную в локальном масштабе, нельзя в неизмененном виде реализовывать ив масштабе всей планеты [20, с. 153-154].

Интенсивноеизучение генома человека, знания этологии, антропологии и социобиологии ведут к убеждению, что человек, который с биологической точки зрения является обычным видом млекопитающего

животного и который на бурлящей жизнью Земле появился относительно недавно, то есть в самом конце третичного периода, не может быть вершиной и смыслом естественной эволюции биосферы. Незаконченная разнонаправленная эволюция жизни имеет перед собой еще несколько миллиардов лет своего предполагаемого течения: ни к какой вершине она не стремится, и поэтому никакой биологический вид не может стать ее вершиной. Все существующие сегодня виды, включая и те самые древние, бактериальные, взаимосвязаны дополняют друг друга, сотрудничают, а также и соперничают, потому что многие из них выживают только за счет других. Так что живущие в настоящее время индивиды, популяции и виды, будучи всего лишь временными элементами более обширной системы жизни, осуществляют деятельность, которая образует медленную эволюцию биосферы, а тем самым, и относительно стабильные рамки существования и развития человеческой культуры.

А поскольку современный (с анатомической точки зрения) человек – единственный биологический вид, которому удалось инициировать культурную эволюцию, то очевидно, что его особенность заключается в первую очередь не в том, что он говорит на собственном этническом языке, думает, поступает в соответствии с моралью, учится и верит. Его особенность лучше всего выражает следующая эволюционно-онтологическая формулировка: на Земле он пробил себе дорогу как вторая онтически творческая эволюционная сила, как малый оппозиционный бог, как автор и творец небиологической формы культурного бытия[20, с. 154-155].

Земля не принадлежит человеку, и пока человек как биологический вид существует, он должен соответствовать природе.Необходимо также напоминать о человеческом биологическом постоянстве и объяснять общественности, что уже первый «человек-кроманьонец» имел точно те же инстинкты и те же природные склонности, какие имеем мы сами [7].

Для успешного воспроизводства в биосфере уже наши предки были должным образом оснащены в эволюционном плане. Но это не означает, что

они оснащены и для правильного теоретического познания и переделки природы в глобальном масштабе. Такое эволюционное оснащение человек не мог получить,потому что оно противоречило бы духу эволюционных законов биосферы [8].

Более широкое и более глубокое интеллектуальное понимание природы в начале развития культуры было, однако, не только невозможным, более того-оно выходило бы за рамки какой-либо практической пользы.

Соразмерность поведения человека каждой отдельной среды – естественной и культурной –в значительной мере обеспечиваются самой природой, естественным биологическим «оснащением» человека. Э.О.Уилсон это выразил метафорой, что гены до сегодняшнего дня «держат культуру на поводке»,[9] а К. Земек остро добавил, что «слепой здесь ведет слепого» . И это так, потому что культурная эволюция была до сих пор полностью слепой. Вследствие нашего видового «оснащения» (генетической и нейронной памяти) прагматическое овладение природой и использование ее сложных систем (собственного тела, одомашненных животных, культурных растений, почвы и т. п.) обойдется и без их (этих систем и природы в целом) «онтологического» понимания. Также и целевое использование частных свойств и функций природных систем является для нас несоизмеримо более простым, чем рациональное понимание их эволюционного возникновения онтической структуры: человек, который должен срубить дерево или обеспёчить себя пищей с помощью собирания плодов или охоты, может не воспринимать девственный лес как экосистему и не понимать принципов правильного питания.

Поскольку человек не получил полные генетически запрограммированные цепочки поведения в разных ситуациях, постольку он с самого начала развивает предрасположенность компенсировать этот «врожденный недостаток» с помощью обучения, познания и целенаправленной перестройки внешней среды. К. Лоренц, однако, обратил внимание на то, что открытая программа обучения «...требует не меньше, а

напротив - больше генетической информации, чем функционально сопоставимое, но чисто врожденное поведение [7].

Человек, следовательно, получил от природы именно то, в чем он по отношению к своей особой соматической и психической структуре нуждался: предпосылка адаптироваться офензивно (агрессивно, наступательно), долго учиться, создавать региональную культуру. Он не получил ни специализированного аппарата для единственной жизненной функции, ни сенсорных, ни нейронных предпосылок для объективного познавания мира как целого. Он получил неспециализированное биологическое «снаряжение» для культурной адаптации и жизни в здоровой биосфере [20, с. 156-157].

Так что в прогнозах о возможностях человека познавать мир следует быть осторожным. Ни геном, ни центральная нервная система человека - две в общем то различные и взаимоотделенные структуры памяти, в которые помещается добытая информация о внешней среде - не могут отразить все уровни упорядоченности действительности. Они не могут охватить ни общую биотическую упорядоченность, то есть генетическую память биосферы, встроенную в соматическую структуру нескольких миллионов самых разных видов, ни общую абиотическую упорядоченность, разнообразием которой мы восхищаемся, например, при посещении выставки минералов. И хотя сегодня определенная часть популяции - благодаря заботливой селекции специализированной подготовке, информационному сотрудничеству, приборами другим обстоятельствам прагматически понимает некоторые природные и технические конструкции, средний человек, наверное, никогда адекватно не поймет ни высоко комплексные системные биосферы, ни даже аналогичные продукты культуры. К сожалению, мы обнаруживаем это только сегодня, когда вынуждены признать что необходимой предпосылкой каждого вида обучения является врожденная программа и что такой программой нас вероятно, природа не снабдила. Именно потому будет нелегко, даже с помощью технических средств и да*лее расширять познавательный горизонт* человека.

Дань, которую мы платим за сегодняшний успех цивилизации, высока. К ней относится не только нарушенные природные предпосылки культуры, но и высшая мера индивидуальной зависимости человека от культуры как целого: функциональная и духовная подчиненность человека структуре и воздействие крупных надындивидуальных культурных систем (включая средства массовой информации и информационные системы). Техника и спонтанно формирующаяся культура детерминируют наше поведение, наше мышление и наш общий образ мира. Мы родились в искусственной культурной системе, и с этой системой мы себя идентифицировали в чувствительной фазе своего онтогенеза. Поэтому мы находимся в плену не только непрерывной традиции — материальной и технической, но и не-прерывнойтрадиции духовной, то есть философской, научной, религиозной, художественной и т. п. А так как эта антропоцентрическая традиция, которая до сих пор развивается в хищнической духовной парадигме, возникала в региональных культурах, не подверженных экологической угрозе, ей никогда не приходилось защищать перспективные интересы человека и культуры, а исключительно насущные интересы отдельных популяций и живущих в данное время индивидов. Помимо прочего из этого вытекает, что люди были ориентированы на равнодушие к более широким взаимосвязям и отдельной перспективе. Из этого следует, что современная глобальная культура не может строиться на предпосылках, на которых строились культуры региональные: на стратегии покорения природы; на иллюзии, что Земля (ее биосфера) не погибнет в результате человеческой деятельности; на фикции облагораживающего влияния человека природу [Там же, с. 158-159].

Вероятно, самые глубокие биологические корни нынешнего кризиса заключаются в том, что один из видов первоначально древесных приматов (человек относится к классу млекопитающих виду приматов семейству гоминид) после того, как экосистемы девственных лесов отступили в восточной части большого африканского разлома, перешел к

прямохождению, производству и использованию инструментов и т.п., и приспособился к жизни в открытой саванне. Зрелый социальный стиль жизни, активная коммуникация и сотрудничество, производство и использование инструментов. Были важными культурными моментами предадаптации, с помощью которых гоминиды-непосредственные предки человека – были эволюционно настроены на локальное преобразование природы на офензивную адаптивную стратегию. И в этом смысле верно то, что с определенной долей преувеличения выразил Л.Томас: «…мы настоящие господа. В этом направлении нас увлекают не человеческое высокомерие, но событие, самое природное из всех природных событий. Мы просто развивались в этом направлении, мы выросли в этом направлении, мы вид животных» [11, с. 105].

Человек, который, по словам К. Лоренца, все-таки является «последним выкриком, но определенно не последним словом развития видов на Земле, [10] конечно, не будет здесь жить вечно. Но если он преодолеет экологический кризис у него может быть перспектива –как это вытекает из продолжительности существования других подобных нам видов животных еще на несколько миллионов лет. В противном случае, возможно, всего лишь несколько столетий. И уже хотя бы поэтому культуре не следовало бы так быстро уничтожать условия для своей дальнейшей восходящей эволюции. Правильно понять характер природных условий, которые нам когда то предоставили возможность начать культурную эволюцию, мы, к сожалению, можем только после ее развертывания, то есть только после того как эта эволюция вызовет кризис. Глобализация, которая несомненно идет на пользу сегодняшней противоприродной культуре, отрезает негативные обратные связи отдельных культур с естественными экосистемами, и потому является главной причиной того, что сегодня все люди независимо от степени цивилизационного развития своей культуры одинаково находятся под угрозой [20, с. 160].

О человеке и природе

Угроза культуре со стороны поврежденной материнской системы природы имеет, конечно, для части популяции людей и скрытный личностный аспект. С одной стороны, нас всех объединяет общая экологическая угроза, но с другой стороны, люди в технически развитых странах более глубоко страдают от утраты контакта с природной средой, которая их когда-то сформировала. И эта утрата может оказать негативное влияние на поиск выхода из кризиса для человечества вообще [20, с. 161-162].

Конструктивное значение природы для создания культурных и здоровых человеческих индивидов еще недавно не требовало напоминаний исследований. Влияние природы на человека было заметным в прочных связях большинства людей с родным домом, с родным краем, с землей, с местом их рождения, детства, и взросления. Влияние природы на культуру проявлялось в создании исключительных форм локальных культур, этнических языков, и, особой духовной традиции. Однако формы и стиль жизни в технической цивилизации постоянно все больше определяются универсальным характером мировой рыночной экономики, стандартизацией, материальной культуры и техники, деньгами и доступной всем информации. Большинство людей уже проводят свое время в учреждениях и городских квартирах, а время их пребывания в естественных природных условиях сокращается. Маленькие дети практически отлучены от жизни на природе.

Именно поэтому в технически зрелом потребительском обществе, где большинство людей уже живет в городах (тогда как 50 лет назад большинство из них жило в деревне и вместе с детьми возделывало землю) появляется угроза которая перед человечеством пока не возникала. Мы обнаруживаем, что сегодняшние маленькие дети страдают уже не от голода, а от депривации в результате недостатка импульсов для нормального личностного развития. Но так как впервые в истории речь идет не о недостатках эволюционно недавно возникших символических импульсов из сферы культуры, которые воздействуют прежде всего на клетки головного мозга, а о скудном импульсном поле переживаний и физических влияний, со стороны дикой (не

тронутой) природы, которые способны поддерживать формирование структуры всей психики, мы оказываемся в неизвестной нам ситуации. Вероятно, что эти впечатления и влияния, которые культура не в состоянии ни чем заменить, необходимо обусловленные консервативной программой онтогенеза человека, ответственны за нормальную эмоциональную структуру личности, ее нормальное чувственное восприятие, жизненную ориентацию и ценности.

Мы согласны с Й. Шмайсом и в том, что, природа в отличие от культуры не имеет свободной информации, которую бы семантически «понимали» живые системы. Она всегда воздействовала на психику человека и животных, только лишь своими формами, процессами и физическими влияниями. Нам также известно, что нормальная структура человеческой психики, которая в общих чертах генетически предписана на уровне специальных нервных клеток и структур тканей мозга, свой (относительно) окончательный вид –так же как, например, иммунная система организма - принимает только с помощью воздействия внешних импульсов после рождения. А так как эволюционно сравнительные недавно культурные импульсы символического характера, которые воздействуют на головной мозг, не слишком влияют на более древние структуры мозга, возникает новая, серьезная дисфункция: начало жизненного пути индивида, которое традиционно закладывал его здоровое личностное развитие, в технически-развитых странах медленно превращается в опасный период возникновения невротических нарушений и необратимой длящейся всю жизнь деформации человеческой психики.

Хотя общественные науки, включая психологию, и признают так называемую внепродуктивную функцию природы, то есть ее оздоравливающее воздействие на человека в терапевтической,релаксационной и рекреационной сфере, но ее роль тем самым они недооценивают. Незаменимость природы заключается не только в том, что она, как космический корабль, несет, сквозь, пустынную и холодную Вселенную планету Земля с человеческой культурой на борту. Ее влияние заключается

даже не в том, что она организует нашу биологическую целостность и физическое воспроизводство. Природа, хотя большинство из нас этого не осознает, обеспечивает и нашу целостность и духовное, психическое воспроизводство. Она заботится не только о здоровом теле, но и о здоровой душе: совместно с разумно ограниченной культурой в течение тысячелетий исподволь и незаметно развивала то, что потенциально содержалось в геноме человека. И хотя сегодня дикая природа изменяется и угнетается культурой, она продолжает действовать как скрытый, мало исследованный и потому недооцененный фактор создания нормальной личности человека [20, с. 163-164].

В соответствии с эволюционной онтологией мы отстаиваем мнение, что даже человека информационной эпохи формирует не только культура, то есть семья школа и общество. Благодаря консервативной и биологической естественности нашего вида, то есть, тому, что в информационном отношении генетическая память в значительной мере остается закрытой, человека формирует – особенно в чувствительный к внешним воздействиям, период его онтогенеза - вся структура внешней среды. Поскольку нынешняя культура (если мы намеренно опустим вопрос о болезнях цивилизации) у человека как первоначально природного существа явно формирует содержание и структуру его сознания, постольку пренебрежительное отношение к природе имеет под собой реальное основание. Однако в связи с тем, что биологический предок человека был эволюционно приспособлен к природе всей структурой своей психики и что культура как бы дополнительно развивала только «надстрочные» компоненты человеческой личности, например, коммуникативную, рациональную, трудовую и прочую деятельность, было нелегко распознать, каким же способом природа создает нормальный онтогенез человека.

Мы предполагаем, что природа в процессе формирования личности человека принимает участие, прежде всего тем, что геном человека, то есть содержание нашей видовой памяти, (независимо от существования,

соответствующий культуры и от ее места в биосфере), предвосхищает причисление каждого новорожденного человека к определенному типу природной среды, к какой - либо «архетипической» экологической нише. Если удается это приблизительное причисление к природе и местности реализовать уже в первой чувствительной фазе онтогенеза человека, то, с высокой долей вероятности, это положительно повлияет на все, последующее личностное развитие человека, сделает возможным формирование нормальной эмоциональной, ценностной и интеллектуальной структуры личности. Способ формирования психосоматической структуры человека с помощью его природной и культурной среды должен быть похож на онтогенез животных. Он похож на способ формирования психики детенышей некоторых других родственных человеку, биологических видов с помощью их естественной среды обитания, (включающийэкосистему, заботу матери, нору, свору, стадо или стаю), то есть их естественного «родного дома» в гостеприимной, приютившей их в системе природы. А поскольку и человек является самим собой «одомашненным видом», то некоторые изменения его естественного биологического поведения негативны [20, с. 165]. Онтогенез человека, конечно, специфичен тем, что он протекает очень длительно (дольше, чем у животных) более открыт для внешних импульсов: его генетическая программа настроена на подходящую структуру культурных влияний и, очевидно, специфических вербальных импульсов (из сферы речи). Психологам известно: чтобы не было нарушений в развитии личности, данный процесс должен происходить при сильной эмоциональной связи ребенка хотя бы с одним взрослым человеком, как правило, с матерью. Конрад Лоренц, врач, этолог и философ попытался эту определяющую всю жизнь эмоциональную связь между ребенком и матерью сделать понятнее широкой общественности: «ребенок начинает привязывать свои чувства к определенному лицу. От всех остальных людей он отказывается. Если этот критический период случится в детском доме и ребенок начнет привязываться к определенной воспитательнице как к своей матери, то рутинное чередование взрослых лиц

нарушает эти завязывающиеся отношения. Несчастный ребенок пытается привязаться уже более несмело к следующей «запасной» матери; когда он теряет эту, он с еще более слабой реакцией обращается к следующему лицу и в конце концов он капитулирует перед попытками создать материнские связи. С этого момента он отказывается от всех импульсов, исходящих от других людей, он поворачивается лицом к стене» [12, с. 216-217]. Мы полагаем, что оптимальный процесс онтогенеза человека также не может обойтись без игнорируемого (эмоционального) формирующего влияния естественной природной среды, то есть без «объятий второй матери - природы. Хотя мы и не отваживаемся на прямые аналогии с утратой прямой эмоциональной связи с первой биологической матерью, но «поворот к стене» (сегодня, прежде всего, к монитору компьютера). Участи современного взрослеющего поколения нам не следовало бы так легко игнорировать [20, с. 166].

Внешняя природа была, очевидно, тем фактором, который в сменяющихся сотнях поколений и культурной среде самым отчетливым образом создавал психо - соматическую структуру нормальной человеческой личности. Долгое пребывание в дикой природе научило человека развивать не только двигательные навыки и тонкую моторику рук, но еще и правильно воспринимать, чувствовать, уважать, познавать, оценивать, сотрудничать и бороться. Физический осязательный контакт с живыми и неживыми природными силами, существами и предметами, отношение к «матери природе», основанное на впечатлениях (как и отношение к собственной матери, которое обусловлено аналогичным способом общения), не могут быть заменены вербальным, цифровым «усыновлением», то есть звучащим словом, чтением или иллюстративным изображением, которые распространены в воспитании детей сегодня. Прямая личностно - образующая связь с природой и животными, которая сегодня у детей обычно развивается при игре с друзьями в, естественной, внешней среде, была, вероятно, настолько же сильной, как связь с матерью, семьей и родным племенем[Там же, с. 167]. Не только настоящая семья и ближайшее окружение, но и дикая природа…

О человеке и культуре

Пришло время понять человека, исполняющего главную роль в сегодняшней экологической драме - без предрассудков, сентиментальности и излишних ценностных искажений. Будучи высоко образованным животным, он всегда был, есть и останется элементом природы, несмотря на то, что культура ставит его как бы над природой и против нее. Но человек - не только самый большой фактор риска сегодняшнего кризиса, но и единственная надежда на его ослабление и разрешение.Выйти из сегодняшнего кризиса было бы просто, если ошибка была бы только со стороны человека, а не со стороны его спонтанно развивающегося творения - объективной (надличностной) культурной системы. Это было бы легко, если бы было возможно изменить культурную систему и человеческое естество. Изменение культурной системы затруднительно, но изменение человеческого естества– невозможно [13, с. 151].Человек от природы был одарен способностью к языковой коммуникации, в течение долгого периода заботиться о потомках, учиться в течение всей жизни, контролировать самые различные процессы и управлять ими. Вероятно что эти биологические предиспозиции, которые определили способность основания культуры до сегодняшнего дня остаются источником человеческой одержимости переделать естественно упорядоченный мир[20, с. 171-172].

Консервативный, устойчивой геном человека как свою информационную подсистему она использовать не может.Отличие этой эволюции от эволюции естественной, если мы это выразим схематически и приняв во внимание, только проблему информации - заключается в том, что культурная эволюция производят свою собственную культурную информацию.Это отличие вызвано тем, что целостность культурной системы обеспечивает уже не генетическая информация, но информация социокультурная - быстро развивающаяся подсистема общественной духовной культуры.

Культурная эволюция, производящая информацию, которую хранят и развивают структуры нашего мозга, представляет собой весьма короткий

эпизод в жизни человека как вида. Хотя она и быстро создает новый тип противоприродной упорядоченности, но последняя не может записываться непосредственно в генетическую память человека. Мы зажгли огонь культурной эволюции, и в течение всего своего существования как вида. Мы были способны создавать и развивать новое, не природное бытие [Там же, с. 173].

Информация(это понятие мы используем здесь очень вольно-приблизительно в смысле преимущественно семантической духовной культуры или преимущественно структурной генетической информации) является, следовательно, нормальным продуктом естественной или культурной эволюции[Там же, с. 176].

Чтобы не переоценивать влияние теоретических компонентов рассеянной духовной культуры, давайте снова вспомнимо двух главных типах формирования культурнойупорядоченности. Система, несмотря на то, что включает в себя человеческую целеустремленность, как целое, возникает стихийно, и ее структурные механизмы работают консервативно: - отдельные инновации только опытным путем включаются в систему культуры, используется принцип избыточности селекции и дополнительной эмпирической оптимизации новых структур в течение определенного времени[20, с. 178].

Культура, если мы воспользуемся четким биологическим понятием, растет, прежде всего, за счет сукцессии.При помощи сукцессии из строго информационно детерминированных элементов и подсистем живой природы, то есть людей и остальных «строительных камней» культуры, формировалась культура как целое, как оппозиционный эволюционный процесс внутри биосферы.В результате сукцессии прирастала первая культурная информация, при помощи сукцессии внутрикультурной системы в определенной фазе ее исторического развития начинают формироваться и условия для возникновения научной информации. И только в социально и технологически зрелой культуре, теоретическое познание природы может более активно

принять участие в экологическом улучшениикультуры, врешениикак отдельных вопросов, так и глобальной экологической проблемы. Оно может помочь более глубокому познанию отношении природы и культуры, развитию образования и непосредственного технологического применения науки [20, с. 179].

Разделенную подсистему социокультурной информации никогда не удастся «привести к общему знаменателю» научной информации. Поэтому также нельзя трансформировать культуру таким же образом, как технику - придерживаясь лишь теоретического сценария. В рамках хищнической духовной парадигмы вопреки целеустремленным усилиям индивидов экологических организаций спонтанные механизмы культурной эволюции имеют тенденцию вести культурное движение снова и снова против природы. Поэтому мы должны попытаться провести биофильное изменение на уровне культурной парадигмы. Но благоприятный климат для такого принципиального изменения должна создать сама культурная система, то есть ее качественные изменения должны созреть в результате естественного развития.Условия для таких экологических изменений культуры, а в том числе и в области политической воли граждан уже зреют естественным образом [20, с. 180].

О воспитании и образовании в глобализированной культуре

Сегодняшняя система образования, которая помогает формировать человека и культуру, к сожалению, помогает и углублять глобальный экологический кризис. Если мы хотим преодолеть кризис, то должны изменить содержание образования и дать ему иную направленность: вводящие в заблуждение абстракции математики и физики мы не должны ставить выше изучения естественных и искусственных живых и неживых систем; обучение должно быть направлено на понимание значения естественно возникшей упорядоченности Земли; отдельные данные и пассивное получение знаний

необходимо будет подчинить обучению принципам эволюционного и творческого мышления [20, с. 210].

С точки зрения эволюционной онтологии оказывается, что человеческая рациональность, с которой мы связываем надежду на преодоление глобального экологического кризиса, в двойном смысле зависима и несамобытна: с одной стороны (на уровне нашего биологического вида), она подчинена консервативной биологической основе человеческой психики, то есть геному человека, но, с другой стороны (как продукт и предпосылка какой-либо культуры), она детерминирована соответствующими общеобязательными духовными рамками культуры. Она, следовательно, детерминирована культурными архетипами[Цит. по 20, с. 214], то есть духовной парадигмой культуры.

Поэтому для преодоления глобального экологического кризиса, являющегося результатом конфликта современной противоприродной культуры с природой, нам необходимы не только новая теоретическая концепция природы и новая концепция культуры, но так же и новая система образования, которая включает в себя их общепринятую мировоззренческую и дидактическую форму. Нам необходимо сделать дидактически доступным как процесс естественной эволюции, так и оппозиционный процесс создания культуры (посредством деятельности человека). Школам, высшим и специальным образовательным учреждениям, а также широкой общественности необходимо предложить не только понятную философскую рефлексию причин глобального экологического кризиса, но и показать возможные способы его решения. Но этот особый онтологический минимум, который был бы понятен ученикам, студентам и всем гражданам, Й. Шмайс проиллюстрировал только в общих чертах в одиннадцати тезисах [20, с. 214].

Одиннадцать тезисов эволюционно-онтологического минимума[20, с. 214].

1) Поскольку сегодняшний глобальный экологический кризис - это онтический конфликт сравнительно «молодой» и временной культурной

эволюции с более древней и длительной естественной эволюцией, то есть конфликт культуры с природой, то при его рефлексии мы должны последовательно различать две разные эволюции, два типа онтической упорядоченности, два разных вида структурной информации.

2) Вселенная, включая живую земную природу, человека и генетическую информацию живых систем, является продуктом естественной эволюции, то есть созданием спонтанной креативной деятельности, ставшей, в свою очередь, последствием «Большого взрыва». За комплекс биологических предпосылок, которые сделали возможными начало (а затем и развитие) «конкурентной» культурной эволюции, человек должен быть благодарен природе и естественной биотической эволюции.

3) Человеческая культура, включая культуру материальную и духовную, является не продуктом естественной эволюции, а созданием эволюции культурной, то есть спонтанной креативной способности людей. Культура - это открытая нелинейная система с внутренней информацией, которой, разумеется, является не естественная генетическая информация, интегрирующая биосферу, а общественная духовная культура, которая возникает в культуре и которая формирует, интегрирует и помогает развивать культурную систему.

4) Человек - это обыкновенный, случайно появившийся биологический вид. Его исключительность заключается не в том, что он познает, мыслит, сотрудничает, учится и верит. Она заключается главным образом в том, что вследствие своей генетической предрасположенности к агрессивной адаптивной стратегии, а также вследствие способности с помощью языка кодировать и онтически использовать небиологическую нейронную информацию, он выдвинулся как второй земной демиург, как «маленький оппозиционный бог».

5) Впрочем, человек - это не единственное существо, которое чувствует, переживает и познает. Свою окружающую среду, причем часто намного тоньше, чувствуют и познают все живые системы. Они познают ее спонтанно

- как с помощью своих геномов, посредством которых их организм согласовывает свою деятельность со структурой внешней среды, так и с помощью органов чувств и сенсорных нервных волокон -это необходимо для того, чтобы эффективнее приспособить свое поведение к изменчивой структуре среды. Понятийное познание человека, которое является сенсорно-нейронным, кодируемым с помощью языка и определяющим агрессивную адаптивную стратегию нашего вида, представляет собой важную онтическую процедуру культуры.

6) Человек как частный продукт естественной вселенской эволюции, то есть как один из многих обыкновенных биологических видов, мог вообще не получить сенсорно-нейронного аппарата для адекватного познания естественной земной упорядоченности. Но поскольку он получил познавательный аппарат, необходимый для его выживания, то даже его познание и мышление не могут быть - в отличие от его генома как носителя объективной видовой памяти, созданной естественной эволюцией - полностью однородны со структурой и процессами онтической деятельности Земли. Он познает и мыслит целенаправленно, то есть комплексную природную действительность он редуцирует с помощью познания до одного организационного уровня, в котором интерпретирует природу в своих интересах. Поэтому он и создает культуру совсем не как функциональное продолжение естественной эволюции, а всего лишь как свое внешнее, надличностное неорганическое тело, как неприродную систему, с помощью которой он адаптируется к природной среде.

7) Понятийное познание человека (духовная культура, включающая систему образования), ставшее фундаментом открытого рассеянного генома культурной системы, хотя и является продуктом культуры, но одновременно оно является также отправной точкой и инструкцией для создания ее с помощью человеческой деятельности. Информационное и ценностное содержание этого познания не так благородно и возвышенно, как нам казалось. Оно принимает участие в создании культурной системы, которая

сегодня опустошает планету Земля. Экологический кризис показывает, что и понятийное познание, так же, как и сенсорно-нейронное познание остальных животных, является видовоэгоистичным - несмотря на то, что оно изначально утверждалось как непреложная истина, а не проверялось естественным методом проб и ошибок [5].

«Если мы с самого раннего детства сознаем то, что мы такие же животные, как сова или дикий гусь, то тогда само собой разумеется, что наше собственное представление о мире ограничено возможностями нашего аппарата отображать мир точно так же, как знание любого другого организма».

8) Человеческая материальная культура строится только из материи и энергии, которые уже были «встроены» в уникальные естественные структуры.

9) Так как на Земле и в космосе действуют все до сих пор выявленные физические законы, то и пример с двумя пекарями показывает, что количество как материи, так и энергии не может увеличиваться в процессе культурной эволюции, Соотношение между естественным и культурным бытием после возникновения культуры драматически изменяется. При распространении техники, городов, полей и дорог исчезает уникальная естественная упорядоченность, которая когда-то сформировала человека и с которой консервативный геном человека (а соответственно, и его организм) сохранил единство. Именно поэтому постепенно утрачивается биоразнообразие земного шара.

10) В результате неадекватной содержательной структуры образования большинство современного населения не знает, что такое эволюция и что эволюция производит. Людей не предупредили о том, что эволюция может производить только формы, структуры, упорядоченность, то есть информацию. Они по большей части не знают, что Вселенная – спонтанно креативна и что ее естественная эволюция создала прекрасную земную природу, включая человека, то есть все естественные системы, структуры и формы, всю естественную информацию. Внимание школьников и студентов

не обращают на то, что культура для строительства своих собственных форм и структур должна создавать свою собственную социокультурную информацию, а естественные формы и структуры модифицировать или даже уничтожать. В школе не учат тому, что вызванное культурой вымирание видов является, по сути, варварским «сожжением» уникальных оригинальных «текстов» живой природы, что оно представляет собой непростительное и непоправимое уничтожение естественной генетической информации.

11) Очевидно, что только философская точка зрения на эволюцию, краткий курс которой необходимо включить в программу обучения в средних и высших учебных заведениях, может ценностно реабилитировать природу, стать посредником в понимании сущности и онтической роли естественной и культурной информации. Сегодня мы обнаруживаем, что естественная биотическая информация, развивающаяся вместе с жизнью и интегрирующая биосферу, не разделяет Землю и не вредит ей. И только человеческая информация - культурная, подчиненная хищнической парадигме - к сожалению, враждебна по отношению к Земле. Она временно разделяет ее на природу и культуры, а экспансивную культурную систему, экзистенциально подчиненную более обширному и более могущественному природному порядку, временно направляет против естественной эволюции, против жизни [20, с. 214-219].

Остановимся на биофильной ориентации образования

В систему образования, необходимо признать и включить потребность биофильной ориентации воспитательного и образовательного процесса - это не модное постмодернистское веяние. Спонтанное «биофильное» воспитание наших предков (благодаря активному воздействию естественной среды) существовало задолго до возникновения письменной истории человека, поэтому оно старо, как само человечество, как сама культура. В длительной исторической фазе медленного ненаправленного (неинтенционального) воспитания человек формировался не только посредством культуры, но и посредством превосходящего в структуре внешней среды количества живых

систем. Еще экономика неолита в качестве основного способа создания культуры с помощью человеческой деятельности была до промышленной революции ясным доказательством подчиненности абиотических технологий и ценностей технологиям и ценностям биотическим. В Европе эта подчиненность имела вид преобладания деревень над городами и сельского хозяйства над кустарными и профессиональными ремеслами. Именно из этой основной культурной ориентации позднее появилась временная и опасная абиофильная ориентация, направленная на развитие неживой материальной культуры и техники. Отчетливым поворотом к абиофильной ориентации европейской культуры является возникновение и распространение механической машинной технологии. Поэтому этот поворот по времени примерно совпадает не только с продуктивным применением достижений естественных наук, но и с ярко выраженной абиофильной ориентацией системы образования [20, с. 219-221].

Двум столетиям, которые отделяют нас от промышленной революции, мы, следовательно, должны быть «благодарны» как за сегодняшний технологический подъем и благосостояние, так, к сожалению, и за самое масштабное опустошение Земли культурой. И в обоих этих процессах, к сожалению, принимает участие антиприроднонаправленная естественная наука и таким же образом ориентированная образовательная система европейского общества.

Поэтомулогично, что объективные условия для биофильной ориентации образования появляются только сейчас, в стадии глобального экологического кризиса. Это обращение к биофильной трансформации содержания образования также является реакцией на инертность образовательной системы, которая скрывает сущность сегодняшнего конфликта культуры с природойи которая продолжает распространять абстракции и ценности, углубляющие кризис. И хотя врожденная агрессивная стратегия нашего вида с самого начала ориентировала деятельность человека противоприродно (придавала деятельности человека противоприродную ориентацию), на этапе

слаборазвитых региональных культур спонтанные процессы биосферы могли «переваривать», ограничивать и корректировать культурную деятельность человека. Хотя структурно отличающаяся культура исподволь развивалась и распространялась,но при этом она продолжала спонтанно подчиняться более обширной и древней биосфере. Поэтому общепринятое мнение о подчиненности культуры природе было важным формообразующим фактором создания культурной системы и здоровой человеческой личности. Говоря другими словами, самые древние, еще технологически слабые культуры не могли слишком сопротивляться вышестоящей системе природы (в том числе и духовно) [6].До возникновения классических форм религии сознание абсолютного превосходства природы проявлялось во многих формах почитания живых и неживых природных творений, включая циклически повторяющиеся ритуальные приношения в жертву природным богам части урожая или самых сильных животных.Только отказ от средневековогоспекулятивного мышления и развитие частного теоретического знания в Новое время, которое укрепило врожденную предрасположенность человека к агрессивной адаптивной стратегии, устранило последнее интеллектуальное препятствие для скорейшего насаждения хищнической духовной парадигмы. Так что только сегодня, в фазе глобализации противоприродной культуры и техносферы, хищническая парадигма становится серьезной опасностью для человеческого рода вообще.

И хотя уже сегодня нам нужна новая философия образования, я полагаю, что действительную биофильную трансформацию образовательной системы полностью можно будет реализовать только на основе бесспорного негативного опыта, полученного от глобализированной противоприродной культуры. Вероятно, сугубо теоретический анализ возможного риска и нежелательных последствий экспансии культуры на человека и природу не будет ни для общественности, ни для политиков достаточно сильным аргументом [20, с. 222].

Роль нового содержания образования - это всего лишь аспект этого исторически беспрецедентного изменения в ориентации культуры, но ее нельзя заменить никаким другим способом интенционального воздействия на молодое поколение. Сегодня мы впервые испытываем потребность воспитывать, образовывать и давать квалификацию школьникам и студентам не только для того, чтобы они, став взрослыми, оказались настоящими гражданами сегодняшнего глобально интегрирующегося общества, но также и для того, чтобы они осознали суть конфликта культуры с природой и были способны его решить [20, с. 222-223].Пока люди не знают, что является сущностью кризиса, они немогут формулировать свой политический заказ: увеличивается количество мнений и интерпретаций, но культура по-прежнему развивается стихийно и противоприродно, она самопроизвольно структурируется, глобализируется и необратимо уничтожает систему, от которой зависит. Поэтому ни политика, ни право, ни мораль не могут защитить находящуюсяпод угрозой культуру, они полагаются на традиции, частичные знания, сверхъестественные силы или «спасительнуюруку» рынка.

Однако в связи с тем, что люди очень долго не могли намеренно влиять на эволюционную перспективу культурной системы как целого, они постепенно отказались от ее изменения и проявляли активность только в узких рамках своей профессии.Они становились равнодушными к более широким культурным и природным взаимосвязям своей жизни, к более отдаленной перспективе человечества. Не только в соответствии спредиспозициями своего генома, но и под влиянием господствующей духовной парадигмы культуры они создавали региональную противоприродную культуру. Но из-за обширности и неповреждённости Земли долгое время оставалось излишним, чтобы они критически воспринимали последствия своей деятельности и адекватно, в соответствии с биофильным мировоззрением, воспринимали культуру, в которой они жили. Только в глобализированной культуре, которая покорила и заняла всю планету и которая сегодня угрожает Земле утратой ее

обитаемости, понимание деструктивного воздействия на природу становится категорическим императивом выживания человека.

Однако пока мы являемся свидетелями не только стагнации традиционной человеческой образованности, но и ее направленности на неверные цели: на чрезмерную эксплуатацию природы производством, торговлей, транспортом и личным потреблением людей. При этом общему пониманию действительности мешает не то, что еще совсем недавно разъясняло людям картину мира - узкая естественнонаучная рациональность.

Она редуцировала мир не только на его механическим каузальным взаимосвязям, но и к потребностям техники, необходимой для его овладения. Очевидно, поэтому возникает неприятный парадокс: чем быстрее развивается современная противоприродная культура, тем больше (с позиции среднего человека) усложняется мировоззренческое понимание мира как целого. Но речь идет не только о том, что частное знание уже не предоставляет возможности адекватного системногопонимания природы и культуры. Частное знание (включая и знание, полученное общественными науками) производит всеобщий переизбыток информации, который активно препятствует пониманию целого. На основании отдельного знания и узкой специализации появляется технический прогресс, который когда-то был большой надеждой общего гуманитарного и социального развития, но который сегодня создает культуре проблемы тем, что поддерживает ее абиофильную ориентацию и излишне высокую нагрузку на природу посредством различной (в том числе и бытовой) техники [Там же, с. 224].

Если мы намеренно опустим прямые экологические последствия проникновения техники в личное потребление, вызывающие неуправляемую социокультурную нагрузку на Землю, то речь пойдет о двух мировоззренчески важных препятствиях:

1) это непрозрачные конструкции различной микроэлектронной техники делают невозможным не только понимание сущности техники, но и понимание сущности культуры и роли культуры в природе;

2) сегодня дети адаптируются к притягательной технической среде городов, школ и квартир также по большей части невербально и с помощью моторики. Однако эта искусственная среда продолжает отдалять их от природы, так как сужает их врожденный комплексный потенциал и развивает их только в смысле пассивного освоения технической культуры.

Отдельные знания наук о природе, своим теоретическим содержанием подчиненные нашей видовой предрасположенности к агрессивной адаптивной стратегии и господствующей духовной парадигме культуры, при создании культурной системы своими воздействиями взаимно поддерживаютдруг друга, но в качестве мировоззренчески используемых знаний, общей человеческой мудрости, в живой памяти поколений людей они вульгаризируются, рассеиваются и смешиваются с прагматическими интересами человека, идеологиями и мифами [20, с. 224-225]. Посредством информационной техники люди собирают данные и используют знания, которые они не усвоили ни на собственном опыте, ни в результате прилежной учебы. А так как на основании этих знаний они имеют успех в практической жизни, то они не представляют себе, что во многих общих вопросах они могут быть некомпетентными и несведущими. Человеческое интеллектуальноепонимание природы, которое было достигнуто в течение нескольких столетий в области математики и физики и которое школьникам, студентам и общественности представляла традиционная система образования, в первую очередь было не онтологическим и эволюционно системным, а технологическим. Именно поэтому оно успешно применялось в технике, а в определенной мере - и в содержании и методах традиционного школьного образования [Там же, с. 225].

Именно поэтому Й. Шмайс формулирует провоцирующий тезис о том, что если не удастся адекватно философски понять (а затем и практически применить) спонтанные экономические и технологические процессы, то наши представления о науке, правде, свободе и демократии потерпят крушение. И, будучи видом с первоклассными легковыми автомобилями, мобильными

телефонами и глобальной информационной системой, мы будем осуждены на вымирание по своей собственной вине [16, с. 827-830; с. 2265-2167].Так что в ситуации, когда общество без помощи философии уже не в состоянии адекватно понимать ни природу, ни культуру, философия может быть полезна человечеству еще и потому, что создает общедоступную теорию онтического конфликта культуры с природой, предлагая новую концепцию воспитания и образования для глобализированной культуры.

Но и философы пока лишь наблюдают за тем, как формируется глобализированная культура с развитой абиотической технологией, движимая двумя сходными, гибельными для Земли предпосылками: во-первых,биологической настройкой человека на агрессивную адаптивную стратегию, проявляющуюся в сфере предпринимательства, и во-вторых, гипертрофированнымпотребительским инстинктом, который укрепляет сегодняшний гедонизм и потребительский стиль жизни людей. И хотя это не единственные и не главные причины экспансии сегодняшней противоприродной культуры (основными являются противоприродная духовная ориентация и согласие политики со стихийным экономическим ростом), они поддерживают культуру,ориентированную на получение прибыли и потребление. В результате недостаточной критической функции общественных наук, неправильного воспитания,устаревшей структуры школьного образования и воздействия средств массовой информации культурнаясистема также как бы копирует биологически детерминированную адаптивную стратегию человека как вида - консервативную, видово-эгоистичную человеческую природу[20, с. 226-227].

Система начального и среднего школьного образования, которая вместе с идеей исключительности человека распространяла антропоцентрические ценности и которая поэтому соответствовала потребности повышения производительности труда человека в бедном обществе, уже длительное время не соответствует тому, в чем мы нуждаемся - в способной существовать в течение длительного времени биофильной культуре.

Во-первых, нам уже не нужно развивать механическую человеческую память, традиционные ценности и способ абстракции с целью воспитывать производителей, ориентированных на результаты труда, но нам необходимо формировать экологически ответственных граждан планетарной культуры. Мы нуждаемся в биофильно направленном воспитании и образовании, которое еще до того, как будет преобладать спонтанное влияние неинтенциальных факторов искусственной технической среды, сформирует относительно прочный проприродный фундамент человеческой личности. Говоря другими словами, воспитание и образование должны, с одной стороны, укреплять генетическую предрасположенность человека к тайне, ценности и красоте природы, а с другой стороны - развивать способности, которые дадут человечеству возможность понять сущность кризиса и демократичный способ его решения. Поэтому в сенситивной фазе онтогенеза человека необходимо развивать ощущение родства человека с природой, ее чувственно-сенсорное восприятие, развивать ценности и эмоциональную базу для уважительного по отношению к природе мышления, для смирения и восхищения по отношению к живым системам в течение всей жизни.

Во-вторых, вопрос, как возникли вещи, которые нас окружают, является, в общем-то, естественным детским вопросом. Поэтому уже с самого раннего возраста необходимо учить - и через воспитание укреплять -эволюционный способ мышления детей. Уже в начальной школе нам следовало бы знать, что наша Земля появилась в результате длительной естественной эволюции. Нам следовало бы знать, что естественная эволюция является спонтанно творческой и в этом смысле священной, «божественной». Она создала не только Вселенную и планету Земля, но и нас, здоровых и потенциально довольных и счастливых людей. Однако она создала и все остальные природные условия культуры. Вероятно, уже и ребенок сможет понять, что человек умеет конструировать сложную функционирующую технику и предметы и что через совместные усилия многих людей - культурной эволюции - могут появляться и все другие социокультурные творения.

Поэтому человеческую деятельность необходимо показывать как зависимую от природы творческую силу, которая на естественно упорядоченной Земле не должна быть направлена вопреки результатам и процессу спонтанной вселенской творческой деятельности. Но одновременно мы должны уметь объяснить, что в фазе сложной технической и глобализированной культуры ее первоначальная противоприродная ориентация является дисфункциональной, вредна и опасна и серьезно угрожает будущему человечества.

На первый взгляд радикальная эволюционно онтологическая идея, что человек после своего появления также «зажег факел" эволюции, "пламя" противоприродной культурной эволюции, мы надеемся, не будет настолько чужда для молодых умов, насколько она чужда мышлению взрослых, находящихся под влиянием полученного ими образования и современной культуры.Уже в самом раннем возрасте необходимо создавать условия для ясного разграничения того, что такое природа и естественное, а что такое искусственное и культура. Настало время отказаться от аксиологически высокомерного антропоцентризма и дополняющей механистической интерпретации действительности. Похоже, что именно на этом уровне начальное и среднее школьное образование (хотя оно и восприняло ряд новых научных знаний) остановилось и закрепилось. Даже те преподаватели, которые прониклись идеями эволюционной биологии космологии, освоили основы системного мышления, в современной системе образования вынуждены приспосабливаться к традиционному способу обучения. И поэтому первые шаги к реабилитации ценностей природы в школе будут сложными. Но чтобы позднее не произошло ценностного раздвоения человеческой психики, запечатление (импринтинг) представления о жизни как самой высшей ценности у детей младшего и школьного возраста должно уже в школе закрепиться как можно раньше [20, с. 228-229].

Трудный процесс познания жизни как самой сложной планетарной системы, к которой мы биологически принадлежим, является в какой-то

степени более простым, чем понимание культуры и ее опасной противоприродной ориентации: природу мы не создаем, и чтобы мы могли в ней счастливо жить, мы должны ее соответственно использовать, уважать, наслаждаться и восхищаться ею, понимать ее, но мы не обязаны ее полностью функционально понимать; за ее функционирование и эволюцию, которые происходят и без нас, мы не несем ответственности [Там же].

Если начать борьбу с абиотической механической индоктринацией в более позднем возрасте, то тогда задача существенно усложняется. Эту борьбу можно сравнить с переучиванием левшей, настолько она малоэффективна. С подобными сложностями я сталкиваюсь в процессе обучения эволюционной онтологии уже в течение двух десятилетий и потому успел убедиться, что либо требуется несравнимо больше усилий и времени, чтобы изменились привычные схемы мышления, либо - и это случается куда чаще - такая борьба со стереотипами у более взрослых, уже антропоцентрически сформированных людей вообще не приносит результатов. Земную природу, нашу материальную среду, мы не должны нещадно эксплуатировать, загружая ее без меры - напротив, нам следует относиться к ней деликатно, любить ее и почитать [Там же, с. 229].

Культуру, которая в полной мере является делом рук человека и за эволюцию которой мы поэтому несем ответственность, не следует, конечно же, познавать так, как это было до сих пор, то есть только с помощью собственного опыта, узко прагматически, социологически и политологически. Мы должны попытаться изучать ее, интерпретировать и понимать онтологически, то есть системно и с эволюционной точки зрения. Но искусственная культурная система, которая и после появления естественной науки Нового времени развивалась спонтанно, то есть как быстро растущее внешнее предметное "тело" человека, как никогда по-настоящему не стала предметом философского, научного и педагогического интереса. Даже в высшей школе сегодня мы не узнаем, как создается культурная система (и намеренно, и спонтанно), почему она имеет противоприродную внутреннюю

информацию (духовную культуру), противоприродную структуру и почему она до сих пор создает угрозу для своей гостеприимной среды - земной природы [20, с. 230].

Й. Шмайс предложил семь причин, по которым человек должен с уважением относиться к планете Земля[Там же].

1. Человек, который на Земле появился относительно недавно, является биологическим видом, который во время своего возникновения был полностью един с естественными экосистемами экваториальной Восточной Африки. И хотя уже один из его предков, Hotoerectus, покинул Африку, только сегодняшний человек, Homosapiens, смог захватить весь мир. Как человечество, мы являемся единым биологическим видом и как минимум 40 000 лет мы рождаемся с примерно одинаковым биологическим «оснащением», то есть с психикой, которая по своей общей структуре примерно столь же стабильна, как и человеческая морфология и, в сущности, схожа с психикой вида Homoerectus. Но это означает, что к искусственной культурной среде люди могут адаптироваться только онтогенетически, то есть с помощью поведения, сложившегося в результате навыков, полученных индивидом после рождения. В интеллектуальной области эта адаптация касается только небольшой части человеческой психики. Эволюционно это самая молодая функциональная область коры головного мозга, в которой кодируется, обрабатывается и сохраняется рациональный компонент небиологической социокультурной информации - элементы рассеянного генома культурной системы. Эволюционно более древние структуры человеческоготела и психики, к счастью, не могут столь гибко адаптироваться к искусственной культурной среде. Но антропоцентрическое воспитание, образование и невербальное воздействие структур информационного общества могут личностно деформировать человека. Они распространяют иллюзию о полной соматической и психической адекватности человека по отношению к сегодняшней глобализированной культуре. Поэтому у большинства населения сложилось впечатление, что противоприродную культуру необходимо

развивать еще быстрее, что она коррелирует с «развитием» человека и что она становится все более независимой отприроды.

2. Так как человек, будучи существом изначально природным, даже после освоения речи не утратил анимальный (характерный и для животных) сенсорно-нейронный контакт с реальностью, то в процессе онтогенеза его не может формировать только культура (семья, школа, общество). Личность человека и далее продолжает формироваться всей структурой внешней физической среды, в которой традиционно доминировали естественные структуры. Культура, являющаяся делом рук человека, с одной стороны, предоставляетчеловеку жизненно необходимый фундамент, предметы и услуги, а с другой стороны, из-за того, что она неродственна его организму, она осложняет его биологическую репродукцию (воспроизводство) и процесс онтогенеза. Консервативный (устойчивый) геном человека, то есть содержание нашей видовой памяти, независимо от существования какой-либо конкретной культуры и функции конкретной семьи, подразумевает причисление каждого новорожденного человека к определенной природной экологической нише. Если это общее причисление удастся реализовать уже в первой сенситивной фазе человеческого онтогенеза, то это, очевидно, благоприятно повлияет на все дальнейшее личностное развитие человека, сделав возможным формирование нормальной эмоциональной, ценностной и интеллектуальной структуры личности.

3. Онтогенез человека специфичен тем, что он относительно долог, открыт для самых разных импульсов и что его генетическая программа (включая эпигенетические правила) «настроена» также и на подходящую структуру культурных влияний, включая специфические вербальные импульсы. Так что этот важный,влияющий на всю жизнь формообразующий процесс неможет быть ни исключительно невербальным, не только вербально-когнитивным. Но есть и еще один важный момент. Психологам известно, что для того, чтобы не произошло нарушений в развитии личности, должна быть создана крепкая сенсорно-эмоциональная связь ребенка с хотя бы одним взрослым, как

правило,с матерью. Однако, исследования процесса отчуждения городских детей от природы[17].. подтверждают нашепредположение о том, если мы хотим предотвратить негативное отношение молодежи и взрослых по отношению к природе и культурной системе, мы должны в конце концов признать и в полной мере оценить формирующее влияние природной среды (подразумевающее необходимость чувственной связи) и ближайшего социального окружения - "второй и третьей матери"каждого душевно полноценного человека.

4. Физический, осязательный контакт с живыми и неживыми природными силами, существами и предметами, основанное на личных впечатлениях отношениек матери-природе как к своей собственной матери - все это не могут заменить вторичные «впечатления»,то есть вербальное общение, чтение, зрительные образы - словом, все то, что сегодня является распространенной практикой в воспитании городских детей. Прямая личностно формирующая связь с природой и ближайшим социальным окружением (изначально – миром животных, анимальным, позднее - собирательско-охотничьим и неолитическим), сегодня частично замененная у детей игрой с друзьями в искусственной культурной среде, когда-то могла быть как раз такой же сильной, как связь с матерью и семьей. К сожалению, сейчас своей «второй матери» большинство современных городских детей (которые еще недавно ездили в деревню помогать родственникам во время каникул) уже не имеет. А поскольку и современная семья переживает серьезный кризис, то настоящая биологическая мать (особенно в отсутствии биологического отца ребенка) с большим трудом выполняет в городской среде традиционные личностно формирующие функции, осуществлявшиеся в условиях полной семьи, внешней природы и ближайшего человеческого окружения.

5. Внутреннее, эмоционально окрашенное отношение городских детей к природе и ближайшему человеческому окружению (без этого отношения, наверное,мы не сможем преодолеть сегодняшний цивилизационный кризис), должна значительно усилить, развить или компенсировать реформированная

школа, центры экологического воспитания и организация детской деятельности по интересам вне школы. Но объяснение личностно формирующей роли природы в онтогенезе человека не должно ограничиваться только простым признанием того факта, что первоначальное впечатление от внешнего мира наши дети пронесут через всю свою жизнь. На уровне всего общества мы должны стремиться к намного большему: к дидактической и консультационной помощи семьям с детьми; к инициации процесса практической биофильной реконструкции школьного воспитания и обучения; к действенной защите живой природы; к практической биофильной перестройке окружающего нас природного пространства и мест обитания человека (особенно городов). Понятно, что этот процесс не может обойтись без политической воли, поддержки общественности, а следовательно, и соответствующего биологического образования и развития современного взрослого населения.

6. С учетом новой ведущей идеи образования - бережного, уважительного отношения культуры к Земле - нам больше не нужно традиционное образование,которое только углубляет сегодняшний кризис. Нам нужно настоящее биофильное воспитание, а традиционного образования лучше поменьше. Мы нуждаемся в образовании, которое пробудит новый патриотизм и любовь к Земле как к единственно возможному родному дому для всех живых систем (включая человека).

Хотя Земля и не является центром Вселенной, Галактики и даже Солнечной системы, она – единственный известный носитель жизни и культуры во всем исследованном космосе. Если мы хотим остановить сегодняшнее опустошение Земли, то мы должны на понятном уровне обозначить место конфликта культуры с природой в современной картине мира, мы должны сделать понятной суть этого конфликта для учеников и студентов, а также профессиональной и широкой общественности. И хотя речь идет о теме, которая не доставит удовольствия большей части сегодняшнего населения, - теме, которая может вызвать даже скепсис, сомнения и разочарования, об этом

необходимоговорить. Предсказания гибели делаются не для того,чтобы они сбылись. Их смысл - предотвратить гибель.

7. В фазе высокоразвитой в техническом и экономическом отношении цивилизации мы парадоксально нуждаемся не только в гражданском техническом и экономическом образовании, но, главным образом, в образовании биологическом, эволюционном и системном, которое сделало бы доступным знание абсолютного приоритета жизни. Но основанием для введения такого образования должно быть отнюдь не только эмоциональное или рациональное удовлетворение либо постижение добра, красоты и истины. Речь идет не только об истине, добре и красоте, а о намного большем: речь идет о долговременной сочетаемости культуры с природой, о перспективе человека как вида в соответствии с границами, которые нам определила естественная эволюция. Речь идет о таких формах производства ,потребления, материальной культуры и стиля жизни,которые удовлетворяли бы требованиям долгой и счастливой жизни людей, но, одновременно, позволили бы сохранить пригодность Земли для жизни всех остальных живых систем. Перспективы современной культуры, для которой характерно преобладание (и быстрое распространение) частной информации, которая не развивает человека духовно и гонит культуру на бессмысленный бой с природой, печальны.

Почти повсеместное незнание (и непонимание) глубокой экзистенциальной зависимости культуры от природы, непонимание места и роли культуры в природе ведут не только к тому, что сегодня преобладает «страусиная» политика в области экологии, но и к экологическому равнодушию большей части биологически малообразованного населения. Нельзя одновременно превозносить оба взаимно оппозиционных направления: с одной стороны, природу, эволюция которой спонтанно создала землю и нас самих, а с другой стороны противоприродную культуру, которая, хотя и является делом наших рук, но, будучи искусственной, не приспособленной к природе структурой, не

может быть единой в течение долгого времени ни с Землей, ни с человеческим организмом.

Как верно напоминает нам Й. Шмайс: «энциклопедичность современного образования, которая удовлетворяет человеческую биологически фиксированную склонность к любопытству, в фазе глобализации может вызывать практически ценностнуюшизофрению. Нельзя школьникам и студентам даватьсначала узко рациональное и антропоцентрическое образование, и только в зрелом возрасте формировать у них эволюционное и биофильное сознание. Сегодня процесс целенаправленного формирования человека должен начинаться с разумного биофильного воспитания и образования».

Представляется, что функциональная семья, биофильно-ориентированная школа и внешкольные природоохранные занятия детей (например, в центрах экологического воспитания, а также мероприятия в рамках педагогики впечатлений) могут в современной фазе экстенсивной урбанизации и технизации человеческой жизни быть одним из главных препятствий для негативного влияния глобализированного общества потребления на процесс онтогенеза человека. Но чтобы это действительно было так,и взрослое население должно знать, что сегодня необратимо погибает именно та самая эволюционно созданная структура действительности, с которой человек как вид должен сохранить свое единство, если хочет продолжить свое существование: структуры живой и неживой природы, которые не может заменить собой человеческая культура (цивилизация).По мнению Й. Шмайса:«самая большая опасность сегодня заключается в том, что культура как бы вопреки глобализации - легкомысленно продолжает пользоваться биологически обусловленной, но некогда подкрепленной культурой агрессивной адаптивной стратегией. Культура гордится частичной рациональностью, но на уровне гражданскойактивности обычных людей она не стремится развивать ни их комплексную естественность, ни их общую мировоззренческую компетенцию. На уровне культурной системы она только

воспроизводит старую хищническую духовную парадигму, репродуцирует неадекватные духовные ограничения, включающие знания специальных наук и в которых человеческая судьба в поисках алиби передается во власть рынка и других невидимых регуляторов общественной спонтанности» [20, с. 237].

Если мы не будем развивать и распространять философскую теорию человеческого всепланетарного выживания, то это означает, что мы пытаемся трусливо избавиться от ответственности за дело своих рук ответственности, которую мы когда-то взяли на себя,поскольку, не имея возможности рационально рефлексировать, "зажгли пламя» антиприродной культурной эволюции и стали единственными творцами культуры. Если мы не хотим по своей собственной вине преждевременно вымереть, то у нас нет другой возможности, кроме как изучать процесс спонтанного создания культуры посредством человеческой деятельности, принимая во внимание его целостность, природу и самого человека. Сегодня у нас есть моральная обязанность включать это общее познание как новую негативную обратную связь и в систему всеобщего образования. Спонтанные экономические регуляторы (рынок, принцип получения прибыли, политическая демократия), открытые в период первоначального накопления капитала (в период создания «богатства народов», по А. Смиту) сами по себе эту роль взять на себя не могут: они ведут культуру к росту и экспансии, а тем самым - и к экологической катастрофе [Там же, с. 238].

Но уже сам факт признания человеческой вины за возможное преждевременное исчезновение культуры - признание, которое является первым условием принятия биофильной духовной парадигмы, предполагает другое воспитание, образование и ценностную ориентацию людей. Оно предполагает не только уважительное по отношению к природе ценностное ощущение и комплексное мышление, но и систематичное эволюционно-онтологическое изучение культуры как искусственного земного бытия, которое все еще продолжает опасным образом расширяться в ущерб более древнему, космическому естественному бытию [Там же, с. 238].

Библиографическийсписок

1. Culture. In: A Critical Review off Concepts and Definitions. NewYork, 1964.

Kroeber, A. L. Culture: a critical review of concepts and definitions /A. L.Kroeber. – Cambridge, 1952. – 324 p.

2. Culture. In: Encyclopedia of Anthropology. Thousand Oaks, London, New Delhi,2006.

Birx, H. James EncyclopediaofAnthropology / H. James Birx. –Thousand Oaks, Calif: Sag, 2006.

3. Hartmann N. NeueWege der Ontologie / N. Neue Hartmann. – Stuttgart: W. Kohlhammer. – 1964. S. 71.

Hartmann N. NeueWege der Ontologie / N. Neue Hartmann.– Stuttgart: W. Kohlhammer, 1949. – 113 p.

4. Descartes R. Discours de la method. Paris: Classiques Larousse 1934, C. 61.

Descartes R. Discours De La Methode / R. Descartes.– Paris: Classiques Larousse, 1937. – 94 p.

5. Teilhard P. Le Phenomenehumain. Paris. Edition du Seuil, 1970, p. 347.

Teilhard de Chardin P. The Human Phenomenon (Le PhénomèneHumain) / P. Teilhard. – Paris: Edition du Seuil, 1955. – 347 p.

6. Lovelock J. The Reverenge of Gaia. New York: Basic Books, 2007.

Lovelock J.The Reverenge of Gaia / J. Lovelock.– New York: Basic Books, 2006. – 208 p.

7. Lorenz K. Das sogenannteBöse. München: Piper, 1981, S. 348.

Lorenz K. Das SogenannteBöse. (ZurNaturgechichte der Agression) / K. Das Lorenz. – München Dt. Taschenbuch-Verlag, 1981. – 320 p.

8. Dorst J. Avant que nature meure. Paris: DelachauxetNiestlė, 1965.

Dorst, J. Avant Que Nature Meure / J.Dorst. – Paris: DelachauxetNiestlė, 1965. – 424 p.

9. On Human Nature. Harvard University Press 1978, p.167.

Edward O. Wilson On Human Nature: Twenty-Fifth Anniversary Edition, With a New Preface / O. W. Edward. – Harvard University Press, 2012. – 284 p.

10. Lorenz K. VergleichendeVerhaltensforchung: Grundlagen der Ethologie. Wien: Springer Verlag, 1978.

Переиздание: Lorenz K. VergleichendeVerhaltensforschung: Grundlagen der Ethologie. – Springer-Verlag, 2013. – 308 p.

11. The Lives of a Cell. New York: Viking, 1974, p. 105.

Lewis ThomasThe Lives of a Cell: Notes of a Biology Watcher. - Bantam Books, 1975. – 180 p.

12. Lorenz K. DerAbbau des Menschlichen. München: Piper, 1983, S. 216-217.

13. S. J. The Panda's.Thumb.More Reflections in natural history.Harmondsworth: Penguin Books 1987, p. 151.

Переиздание: Gould S. J. The Panda's Thumb: More Reflections in Natural History - W. W. Norton & Company, 2010. – 352 p.

14. Gehlen A. Die SeeleimtechnischenZeitalter. Hamburg, 1957.

Gehlen, A.DieSeeleimtechnischenZeitalter: sozialpsychologischeProbleme in der industriellenGesellschaft // Rowohlts deutsche Enzyklopädie, Hamburg Rowohlt, 1972.

15. In: Birx H., J. (ed) Encyclopedia of Antropology. Thousand Oaks, London,New Delhi: Sage Publications 2006, p. 827-830; p. 2165-2167.

16. In: Birx H., J. (ed) Encyclopedia of Antropology. Thousand Oaks, London, New Delhi: Sage Publications 2006, p. 827-830; p. 2265-2167.

H. James BirxEncyclopedia of Anthropology: FIVE-VOLUME SET - SAGE Publications, 2005. -3128 p.

17. Deti, abybyly a zily (Strejckova, E. ed.). Praha: MZP. 2005.

Strejčková, E. Děti, abybyly a žily [Children to Be and to Live]. – Praha: Ministry of Environment, 2005.

18.Корниенко Н.А. Каким быть образованию в XXIвеке? // Философия образования. Институт Философии и Права СОРАН, Институт Философии Образования при НГПУ. – 2020. — № 2, (20). – С. 100-116.

19. Хайдеггер, Мартин. Время и бытие : Ст. и выступления / М. Хайдеггер ; [Сост., пер., вступ. ст., коммент. и указ. В.В. Бибихина]. — М.: Республика, 1993. – 447 с.

20. Шмайс, Йозеф. Культура под угрозой: от эволюционной онтологии к экологической политике : [пер. с чешского языка] / Й. Шмайс. — Новосибирск : Издательство СО РАН, 2012. – 259 с.